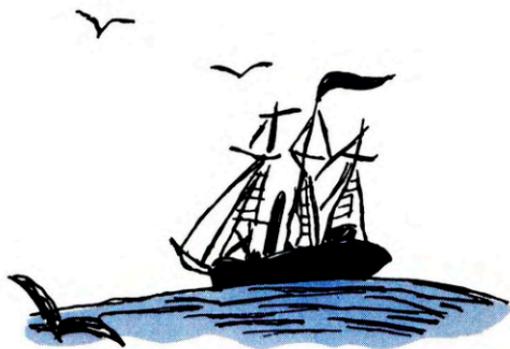

ЕВГЕНИЯ ДИМЕР

С девятого вала

Стихи

1977

ЕВГЕНИЯ ДИМЕР

С девятого вала

Стихи

1977

Того же автора :

"Дальние пристани". Стихи, 1967

THE VIEW FROM THE NINTH WAVE

Р о е т р у

Copyright © 1977 by Eugenia Dimer

PRINTED IN THE U.S.A.

Все права сохранены за автором

ALL RIGHTS RESERVED

1977

**COMPOSED AND PUBLISHED BY VICTOR G. SKORNIAKOFF ARTWORK
221 GLEN COVE AVENUE ● SEA CLIFF, N.Y. 11579**

КРАТКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Это уже второй сборник Евгении Димер. Поэзия не единственный жанр ее литературной деятельности: Евгения Димер пишет также рассказы и путевые очерки. Кроме того, она автор готовящегося к публикации романа о жизни в Советском Союзе за последние пятьдесят лет.

Но вернемся к стихотворениям второго сборника даровитой и опытной поэтессы.

Для этих стихотворений характерно чувство умиротворенности и покоя, обретенного после скитаний и бедствий, пережитых во время Второй мировой войны, о которой Евгения Димер никак не может забыть.

Большую роль в стихотворениях поэтессы играет лирический пейзаж. Природу она изображает по-своему, нежными прозрачными красками. Живет Евгения Димер в тихом городке в Нью-Джерси, настоящем оазисе тишины и покоя, в часе езды от шумного, гроыхающего Нью-Йорка. В этом городке все домики уютные с небольшими садами. Вблизи находится маленькое озеро с полудикими утками, которых подкармливают местные жители; озеро можно обойти за четверть часа неторопливой ходьбы.

Уже сама эта местность — венок живых сонетов. По всей вероятности озерко, серебристые ели, плодовые деревья и цветы нашептали Евгении Димер поэтичные слова

и образы. Но для Евгении Димер, — поэтессы и еще в большей мере автора путевых заметок, — это окружение лишь своего рода трамплин для разбега и прыжка в большее пространство.

Поэтесса любит путешествовать и пароходом, и самолетом. Конечно, путевые впечатления наложили свой отпечаток на ее творчество. Но в своих стихах она предпринимает путешествие не только в пространстве, но и во времени, в собственное прошлое или прошлое ее подруг и знакомых, воскрешая в памяти дороги и беды Второй мировой войны.

Ее поэма о судьбах советского офицера и русской переводчицы, работавшей у немцев и заклеянной в Советском Союзе как "изменница родины", напряженно драматична именно безыскусственностью жизненной правды.

Трудно очень трудно быть русским поэтом в эмиграции. Но как раз поэзия и позволяет лишенному родины человеку сохранить связь с русской землей.

Поэтический опыт Евгении Димер это и подтверждает.

Вячеслав Завалишин

*Посвящаю памяти моей матери
доктора Прасковьи Бойко*

В АПРЕЛЬСКОЕ УТРО

*В апрельское утро,
Когда все бессовестно жадно шело
И жило (как будто бы смерти назло),
К могилам прибавилась снова могила:
Ушла моя мать навсегда.
Не верю ... ищущу — ни следа,
Как будто она по воде уходила.*

*В больничной палате,
С постелью остывшей уже и пустой,
Очки нахожу я в оправе простой;
Из стекла — чужие холодные льдинки
Без синих родных озерков,
Любовь излучавших без слов ...
— И густо ресницы роняют слезинки.*

*Блуждать в этой жизни
Теперь суждено мне в потемках одной:
Так судно, гонимое бурной волной,
Блуждает, покинуто всеми, по свету ...
И компас, и снасти сорвал
Внезапный, губительный шквал.
Нет смысла, нет цели, нет зову ответа.*

С ДЕВЯТОГО ВАЛА

С девятого вала видней горизонт
Пловцу, что плывет наугад по волнам.
Там, кажется, пахнет свежее озон
И даже – что к Господу ближе он сам.

И к солнцу и к звездам, что, темень сверля,
Укажут дорогу всю ночь напролет;
По ним, как на улице по фонарям,
Пловец утомленный к земле поплывет.

Пусть море Нептун кипятит, как смолу,
И компасы - звезды уйдут в облака, –
"Надежда придет на девятом валу", –
Вдруг ветер прошепчет пловцу у виска.

Но вала такого девятого нет
(Хоть даже бы стал он, как конь, на дыбы),
Чтоб ночью увидеть грядущий рассвет
И родины берег в волнах голубых.

НА СОВЕТСКОМ КОРАБЛЕ

На "Одессе" много милого, родного :
Сердцу так близки команды имена,
Как моих подруг из класса выпускного, —
Но невозвращенка только я одна.

Кто-то тронул тихо струны балалайки,
Рвется с древка кумача живой костер,
И плывут, крестом расправив крылья, чайки
В небе, что сквозняк до синевы протер.

Вот на палубе я говорю с матросом :
"Наша вы?" — спросил он. — "Нет", — порвала нить
Разговора, что потребует расспроса, —
Ведь он молод, не хочу его смутить.

Иль сказать, что миллионы нас, бездомных,
Навсегда остались за бортом родным.
Нужен нам был лишь лоскут отчизны скромный,
Не медали, дачи иль путевки в Крым.

Кто-то обокрал на уйму рук отчизну ;
С цепи выбито полезное звено.
От потери этой, как справляя тризну,
Мнится мне, поникло флага полотно.

Рядом с ним рыдает чаек вдовья стайка ;
Мимо — лес ползет, щетинясь, не спеша.
Хоть уже давно умолкла балалайка,
Всеми струнами звенит моя душа.

ПО УТРАМ

По утрам я гляжу на восток,
Где желтеет заря золотая,
Как подсолнуха яркий цветок,
На незримом стебле расцветая.

На отчизне моей далеко
Словно вырос он, выбросив стебель
За моря, и я робкой рукой
Потянулась к восходу на небе.

Т О С К А

Родному Киеву

Мой ледокол тонул. На льдине
Спаслась я чудом, как моряк,
И вью гнездо здесь на чужбине,
За жизнь судьбу благодаря.

На выплату даются жизни, —
Но их проценты высоки,
Когда утеряна отчизна:
Оплата их — часы тоски.

Зимой мерещатся мне вьюги,
А сны полны живых картин:
В них школьные мои подруги
И город — первый христьянин.

Тебя в крепчайшую оправу
Вложила память, как алмаз,
Зеленый город, кучерявый,
Живой, как взгляд девичьих глаз.

Тебя, открыв в былое дверцу,
На ощупь даже я найду
И бережно прижму я к сердцу,
Сняв с карты, как с небес звезду.

Собрав все крохи и все кромки:
Толкучку, где всегда Содом,
Окраину из хаток скромных
В вишневой кипени садов,
Моя душа, сжимаясь в ком,
Завоет, словно пес бездомный.

НА СКАЛЕ

На скале одинокой свечою,
Как в подсвечник, затиснута в щель,
Над ревущей стремниной речною
Прилепилась тщедушная ель.

Солнце скудную почву сушило,
Распотзались расселины скал.
Горный ветер с жестокою силой
Эту ель и мотал, и стегал.

Озверев, налетел и, с корнями
Вырвав, бросил в поток деревцо.
Ель волну оседлала упрямо,
Точно стала заправским пловцом.

И корнями смогла укрепиться
И воспрянуть на новой земле,
Но, зеленые жмуря ресницы,
Все грустит о далекой стране.

МУЛАТКА

Дрожит эстрадная площадка
В дешевом, пошлом кабаре;
На ней с дикарскою ухваткой
Танцует юная мулатка
Ватуси, пляску дикарей.

Но нежный северный румянец
Сквозь смуглость вспыхнул горячо.
Она, вплетая пламя в танец,
Разит наотмашь горьких пьяниц
Глазами, бедрами, плечом ...

Роятся в ней в подборе редком,
Как пчелы в улье, с двух сторон
Ее неведомые предки ;
И каждый предок спорит едко,
И каждый вносит свой закон.

Подобно листьям в урагане,
Смешались в ней черты рабов,
Господ и пилигримов ранних.
Она – гибрид. Она на грани
Двух рас и даже двух миров.

СОСЕДСКАЯ ТАКСА

Длинна на редкость и нескладна
Она явилась раз тайком.
Литой статушкой шоколадной
Она легла в тени прохладной,
Моргая карим мне глазком.

Она, казалось, говорила,
Что ищет ласковой руки ;
Потом хвостом благодарила,
Собачью нежность мне дарила, —
И с нею стали мы близки.

Мы во дворе друг друга ждали,
Когда пинала нас судьба.
И так за днями дни бежали.
Однажды шины завизжали :
Собачий визг ... людей гурьба ...

Асфальт и ... холмик шоколадный,
Такой родной, такой нескладный,
В кровавой лужице подмок ;
В потусторонний мир собачий
Смотрел коричневый глазок ...
И я стояла, тихо плача.

В А В Т О Б У С Е

С размаху миражи
Бросаются в окна,
Сплетаясь, как пряжи
Цветные волокна.

С моей карусели
Все кажется новым:
Вон шествуют ели
Походом крестовым.

Японские вишни,
Как белая стая,
Кружатся, неслышно
В стекле пролетая.

Столбы и сараи,
Дома и лачуги
Бегут, напирают
И давят друг друга.

Вдруг ... капля живая
В окне распласталась.
Ползет, извиваясь
Амебой усталой.

Вторая ... шестая ...
Стучат торопливо, –
И стекла хватает
В объятия ливень.

РУССКОЕ ДИВО

Посвящаю Инне Величковской

Возле церкви на улице Пизы
Зазевался немецкий капрал,
И рязанский Иван белобрысый
От военной колонны отстал.

Появилась пред ним, как Мадонна,
Итальянка в платке кружевном
Из узорчатых листьев зеленых,
Тех, что из дому знал он давно.

Итальянку смутив, он потрогал
Тот платок. Подбирая слова,
Он с тоскою сказал: "При дорогах ...
На Руси ... как у вас ... кружева ...

Зелень есть ... шелковиста ... красива ..."
Удивилась девица: "О, да!
Как же звать это русское диво?" –
"А названье ему... – лебеда".

Вдруг послышалось грозно и строго:
"Los, Verdammter!" – Верзила Иван
Зашагал широко по дороге,
А девица шептала слова:

"В снежном царстве живут великаны,
Их глаза, как морская вода;
Там, как фиги у нас иль каштаны,
Вдоль дороги растет лебеда".

ВАГОН НА СВАЛКЕ

Он ждет своей судьбы покорно,
Вагон товарный, без колес ...
И был ли с "хакенкройцем" черным
Иль со звездой твой паровоз?..

Читаю путь твой, как по книге,
По книге с тысячей страниц:
Из Львова, Кракова и Риги
Евреев вез ты в Аушвиц.

Тащил снаряды из Берлина
На вросший в землю Сталинград;
Из Киева рабов, картины
И мебель доставлял назад.

И в дальний путь ты вез бесплатно —
В Сибирь, в Москву на эшафот:
Недаром старой крови пятна
Покрыл на досках креозот.

С тебя ли вниз летел Бушуев?
В тебе ли гибли с Волги Макс,
Эстонец Ян, Иван из Шуи?
Ты — угол зренья: параллакс!

Ты говоришь нам, как напрасно
Прошел наш век и кровь лилась,
Вагон товарный, грязно-красный,
Где не понять, где кровь, где — грязь.

Н О Ч Ь Ю В П О Е З Д Е

Как в сказке, вынырнем из тьмы на станцию,
Где ярко электричество горит ;
И кажется – читают мне нотацию,
В купе заглядывая, фонари.

Витрины с улиц, словно заговорщики,
Неоном яростно мигают мне ;
Домов фасады кривятся и морщатся,
А баки – как воронки на луне.

Качаясь, монотонными вопросами
Меня забрасывает мой вагон.
Но вдруг метнулись искры под колесами,
Остановив скользящий вдоль перрон ...

И вот опять поплыли рельсов лезвия –
Я вновь ловлю глазами на лету
Уже огни предместий, как созвездия,
Потом – провал в густую темноту.

ЛЕС СГОРЕЛ

Огонь деревья жадно лижет
И рожи корчит, словно шут,
Мотает гривой красно-рыжей,
Змеей крадется там и тут.

Хватает ель в охапку сразу,
Ярсь от запаха смолы, —
И вот, как иглы дикобраза,
Торчат, обуглившись, стволы.

Земля еще дымится, стынет,
И робко тишина молчит.
Где жизнь была, теперь — пустыня,
Над ней — бездомные грачи.

И с сердцем так : любовь изранит,
Сожжет, но, лишь растает снег,
Оно, как этот лес, воспрянет,
Из гари выбросив побег.

О Т Р Е Ч Е Н И Е

Осень грусть мне на душу роняет,
Как деревья на землю листы.
Я, как осень, грустна, я родня ей, —
Я страдаю, но рушу мосты
Меж тобою и мной, меж сердцами,
Чья любовь — для других лишь печаль,
И тернистым путем, со слезами,
Ухожу я в осеннюю даль.
Небо хлещет тоскливые нивы
Водяными хлыстами в упор;
Между нами теперь молчаливый
Телефон и ... ненастный простор.
Пусть зима снегопадом покроет
Эту грустную осень в слезах;
Лишь забыть бы, обнявшись с пургою,
Мне твои голубые глаза.

Л У Н Н О Е

Осенняя луна
Прорвала облака,
И сердце, как струна,
Дрожит во мне слегка.

Оно поет мне вновь
О той былой весне,
Когда, волнуя кровь,
Ты подошел ко мне.

Но я теперь одна, —
Я без тебя давно,
Осталась лишь луна,
Глядящая в окно.

ЗАЧЕМ ТЫ НЕ СКАЗАЛ

(на мотив старинного романса)

Зачем ты, милый, не сказал,
Что ты принадлежишь другой, —
Рука предательски дрожит.
Бокал шампанского пустой,
Звнящий, тонкий мой бокал
Об пол безжалостно разбит.

Ты мне, любимый, не сказал ...
Исчезло прошлое, как сон,
Но в сердце я его храню:
Собвей нью-йоркский и Гудзон,
Таксиста черного оскал
И ресторан с простым меню.

Пусть ты мне, милый, не сказал, —
Но я прощу тебе обман ...
А ты с подружкой вдвоем
Пойди в наш скромный ресторан,
Налей опять вина бокал
И вспомни обо мне тайком.

М О Е О К Н О

В мое окно, как на мишень,
Летит цветных лучей поток,
В котором самолета тень
Нырнула, как средь волн челнок.

Мое окно – кино-экран:
На нем холмы и пышный сад,
Шоссе – машины там с утра
Снуют весь день вперед-назад.

А дальше – город скрыла мгла.
И даже часто мнится мне:
Я так прожить всю жизнь могла б.
Но разве света, что в окне?

С Т А Р О С Т Ь

Бессмертных нет в подлунном мире,
Как нет и вечно молодых ;
А старость с юностью не в мире, —
Крушит ее на все лады.

Она морщин густую пряжу
На коже выжжет, как клеймо ;
И правду горькую мне скажут
Все зеркала и все трюмо.

Уже ты, странница седая,
Ко мне подходишь, не спеша,
Но ты запомни: молодая,
Моя не старится душа.

НЕСБЫТОЧНЫЕ МЕЧТЫ

Уныло, безрадостно. Серое небо
Тяжелою влагой мне дышит в лицо,
И ветер осенний бросается слепо,
Как в бой рукопашный, ко мне на крыльцо.
А я притаилась в углу, чуть живая,
Смотрю с любопытством, не смея вздохнуть :
На голой магнолии ласточек стая
Щебечет, собираясь в томительный путь
В далекие страны, что солнцем богаты,
Где пальмы, где золото яркого дня.
И вдруг мне пристать захотелось к крылатым,
Просить вожака, чтоб он взял и меня.
Уделы все взвешены в нашей Вселенной :
Мечтам, что не сбудутся, — таять во мгле,
Как птицам, как ласточкам в небе осеннем ;
Бескрылым — остаться на грешной Земле.

ГРЕЗЫ

Посвящаю тете Поле

Гляжу с самолета, — под нами поля,
Скосившись, бегут в небосклон,
И с ревом мотора родная земля
Встречает во мгле горизонт.
Посадка. По трапу к тебе я сойду ...
Ты та же, что прежде была
(Как в том роковом сорок третьем году,
Когда нас судьба развела).
Я крепко тебя обниму, и потом
Мы чай будем пить на крыльце,
Как раньше, под старым жасмина кустом.
Дивлюсь ... у тебя на лице
Года не оставили едких морщин ...
Не сон ли?.. — Ты мне подсажи.
Но ты исчезаешь ... и сад, и жасмин ...
Пред мною письмо от чужих,
Сырое от слез — ты смертельно больна.
Твой снимок : в платочке цветном
Старушка, — блестит на висках седина, —
Старушка со скорбным лицом ...

И, если я даже в родные края
Немедля к тебе полечу,
В живых ли застану, родная моя,
Иль ветер задул уж свечу?..

ПРОВОЖАЮ ТЕБЯ

Посвящаю моему мужу

Мне страшна автобанная даль,
И молюсь я в отчаяньи Богу,
И тебя провожаю в дорогу
На широкий и гладкий асфальт.

Где со всех незаметно сторон
Смерть настойчиво к каждому лезет, —
Там удары и скрежет железа ...
Провожая тебя, как на фронт.

И ты ринешься в длительный бой
В современной кольчуге-машине, —
Засвистят шепелявые шины ...
И я плачу, прощаясь с тобой.

ОБНОВЛЕНИЕ

Моя душа прощалась с телом, —
Все тоньше становилась нить;
Вокруг врачи в халатах белых
Мне жизнь старались сохранить.

Моя душа на бездорожье, —
И темный страх объял меня,
Как будто рву впустую вожжи,
И нет ни сбруи, ни коня.

Не зов на помощь, но охрипый
В моей душе раздался стон;
А прежде ведь : чудесной скрипкой
В ней все звучало в унисон.

Теперь бы даже Паганини
Прекрасных нот извлечь не смог, —
Так во всебудничной трясине
Увязло все, что дал мне Бог.

Душа остыла, измельчала, —
Привычкой сделалась любовь ...
И вдруг начать бы жизнь сначала
Мне захотелось страстно вновь.

Чтоб, как в оркестре, пели звуки,
И краски стали горячи,
Чтоб вкусно пахло горьким луком,
Чтоб оживали кирпичи ...

И, обновившись, снова в тело
Моя душа назад влетела.

* * *

Я себе окровавила ноги,
Для других избирая пути;
По чужим я ходила дорогам,
А своей не сумела найти.

Я все видела, все замечала,
Лишь к себе оставалась слепой,
А теперь, начиная сначала,
Пробираюсь неторной тропой.

ЦЫГАНКА - ВЕСНА

Прилетают кричащие стаи
В сквозняках опьянелых ветров ;
В нос весна нам, цыганка босая,
Ударяет свежо, как ситро.

То в ручье зазвонит бубенцами
И уронит блестящий дукат,
То в одежде, расшитой цветами,
Промелькнет меж деревьев и хат.

А на небе в проталине синей
Солнце бодро очнулось от сна,
И леса – в изумрудной пушнине,
Где прошла удалая весна.

О Д У В А Н Ч И К

Бодро вынырнул вдруг одуванчик
Из травы золотой головой ;
Ветерок прилетает понянчить,
И роса умывает его.

Средь цветов независим он слишком, —
Никому не уступит, нигде,
Как упрямый и рыжий мальчишка
Меж послушных и тихих детей.

Но посмотришь — не верится : рано,
Где вчера красовались цветки,
На разглаженной замше поляны
Разбросались сухие снежки.

Это с вечера быстро и ловко
Приоделись мои молодцы,
Натянув второпях на головки
Из кружев белоснежных чепцы.

Но внезапно, ветрами надуты,
Все чепцы, как один, порвались.
Семена в них, раскрыв парашюты,
Поплыли в ярко-синюю высь.

ВЗОРВАЛСЯ ЛЕС

Взорвался лес густым зеленым дымом,
Обвешавшим рогулины ветвей ;
Весна плывет легко, непобедимо
По молодой небесной синеве.

В цвету деревья, словно в ожерельях ;
И мне так хочется обнять луну,
Кружиться с нею в бешеном веселье ...
Хоть молодости этим не верну.

О ней остались лишь воспоминанья,
Ползущие за мною, будто тень ;
Она промчалась птичьим щебетаньем,
Отцветши быстро, как в саду сирень.

ВЕТКА ЖАСМИНА

Ветка жасмина, как ранняя птица,
С ветром взлетает и в окна стучится,
Зимнюю пыль на стекле растирает,
Гнется и белые перья теряет.

Эти посланья весенние Божьи
Стелет под ноги случайным прохожим ...
Ветер взлетает, и – ветки вскипели, –
Сад закружился в душистой метели!

П Р О Б У Ж Д Е Н И Е

Ветер запутался в ивах,
Словно в густых волосах,
В воду пруда шаловливо
Лезших, как кудри в глаза.

Почки проснулись и дышат,
В вишне молочной весь сад;
Как изваянья, на крышах
Аисты важно стоят.

Сердце в веселье крылатом
Настежь открылось, любя.
Каждый бесчисленный атом
Негой весенней объят.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Отбил водянистые точки
Не Морзе, а дождь на стекле ;
И липкие, толстые почки
Смывают под каплями клей.

Вот дрогнут чешуйки, – цыпленком
Пробился, родился листок,
И смятый, и бледно-зеленый,
Как будто подвальный росток.

Весна размохнатила травы,
Цветами идет по ковру,
А лес головою кудрявой
Кивает весне на ветру.

В ЕЛЬНИКЕ

Я вторгнусь в еловую тень глубоко
По кочкам из шишек корявых;
Лицо натирают мне, как наждаком,
Иголки ветвей шепелявых.

А в чаще душистой прохладно, темно
Меж елей прямых, долгополых;
Следят, как глазами, из щелей за мной
Янтарными каплями смолы.

НЕБО И ЗЕМЛЯ

В наряде зеленом Земля бесподобна,
И небо глядит на нее синевой,
Как будто ей шепчет задорно, незлобно:
"Тебе ли сравниться в одежде со мной?"

Земля отвечает: "Ничем ты не лучше
И вечно без смены в наряде одном,
Что часто бывает в заплатках из тучек;
А я же весной в сарафане цветном,

Русалкой зеленой бываю я летом,
Царицей – в осенней короне золотой,
Зимой я в венчальное платье одета, –
Вся в белом, с волнистой фатой."

В И Н О Г Р А Д

Наступает сентябрь чудотворный, —
Сад покрыт виноградным дождем.
Эти сладкие капли проворно
Мы, как пчелы нектар, соберем.

Пленено в них дыхание лета,
В них хранится таинственный клад
Из тепла, аромата и света,
Звездных ливней, журчанья цикад.

Мы положим в хрустальную вазу
Эти гроздья с их летним теплом, —
Золотистым сияньем топаза
Виноград засквозит над стеклом.

БАБЬЕ ЛЕТО

В густых лучах тепла и света
И безрассудно, как дитя,
Вернулось лето, бабье лето,
Октябрь озябший золотя.

И смех его звенит вольготно
К друзьям и встречным на пути;
Оно на ветер беззаботно
Пускает нити паутин.

Неважно, что его живая
Краса продлится краткий срок —
Счастливым тоже ведь бывает
И однодневный мотылек.

О С Е Н Ь С Р А З И Л А

Осень сразила усталое лето :
Пышные клены в кумач разодеты,
А тополя в позолоченных тогах
Встали вельможами в ряд при дорогах.
Травы и ветви запутаны длинной
Бабьего лета седой паутиной ;
Бедные гуси в пути запоздали :
Быстро несутся в лазурные дали.
Ярким багрянцем покрытая роща
Ветру на ночи холодные ропщет.
Только высокие гордые ели
Темную зелень свою пожалели, —
Так и остались, как летние травы,
Шишки по лапам душистым расставив.

Н Е Н А С Т Ь Е

Ненастье свод небесный вновь
К своим владениям прибрало,
На солнце опустив забрало
Из серых влажных облаков.

Туман накидкой из батиста
Ложится на луга к утру,
И листопада на ветру
Танцует ливень золотистый.

З А Р Е В О М З А К А Т А

Заревом заката
Осень полыхала
По холмам косматым,
По лесам усталым.

А в листве сыпучей
Сквозняки ярились ;
Отплывали в тучах
Птичьи эскадрильи.

И земля под вечер
Зябла и страдала,
Укрываясь крепче
Пестрым одеялом.

ВОЛШЕБНОЕ УТРО

В долгом декабрьском ненастье
Плачет бурлацкая грусть.
Ветер, распахнутый настезь,
Землю хватает за грудь.

Дождь выбивает чечетку
И превращается в лед.
Осень медвежей походкой
Сонно к берлоге бредет.

Вдруг ... как проделка экрана :
Тучи, спеша, расползлись –
Солнце, пронзивши туманы,
Медленно катится ввысь.

В это волшебное утро
Бисер горит на кустах,
Блещут стволы перламутром,
Сад нарядился в хрусталь.

Ветви звенят и пружинят ;
Небо вершит чудеса :
В воздухе вьются снежинки,
Ловко подняв паруса.

П Е Р В Ы Й М О Р О З

В небесах облака, точно льдины ;
Их прозрачны края от мороза ;
Увядают в саду георгины
И бордовые поздние розы .

Их припудрил, поблекших кокеток,
Щедро первый предутренний иней ;
Грустно сыплется золото с веток,
И бушует пожар на рябине .

Безучастны, дремотны и немые,
Засыпают угрюмые ели .
Но, морозу назло, хризантемы,
Точно солнечный луч, зажелтели .

С У М Р А К

Солнце с морозом сразилось вничью
В этот осенний и ветреный час ;
Ранний закат, приникая к ручью,
Ярко зарделся и скоро погас .

В тучах летящих открылось окно —
Выскользнул месяц ладьею легко .
Сумрак густеет и, точно вино,
Крепче становится с каждым глотком .

ОТТЕПЕЛЬ

С горы детишек санки
Ползут, а не скользят ;
Дорога – наизнанку,
Машины – в тесный ряд.

Плюют колеса слякоть
Брезгливо на ходу ;
И крыши будут плакать,
И оттепель в саду.

Застряла в каше талой
"Импала", сев на мель ;
Звенит, как на цимбалах,
Капелью вновь апрель.

Н А Ю Г

Когда Нью-Йорк спит пурга,
Вывертываясь наизнанку,
Флорида — для меня приманка, —
Лечу к ее я берегам.

На пляже обниму зарю,
Закат словлю, как рыбку, в море;
В лучах на голубом просторе,
Мне мнится, вся я растворюсь.

В О Ф Л О Р И Д Е

Закрытыми ставнями вилла
На солнце глядит, как слепой;
Лагуну жара придавила
Незримой горячей стопой.

На улицах пусто, но пляжи
Растоптаны прямо дотла;
И солнце усердное мажет
Коричневой краской тела.

А в небе, ажурно одетом,
К причалу плывут корабли:
Везут нагруженные джеты
Гостей из холодной земли.

СНЕГ ПОД ТРОПИКАМИ

Снежинки над рощею вечнозеленой
Танцуют и мечутся, и егозят ;
Лимоны раскрыли на них удивленно
Свои ярко-желтые, злые глаза.

Мороз не вонзит заостренного жала
В слоновую кожу кокосовых пальм,
А нежная роза вся сморщилась, сжалась ;
Прогорк окончательно горький миндаль.

Но тучи в густом ореоле метелей
На север родной начинают полет,
И солнце больную, озябшую зелень
Опять золотистым бальзамом польет.

ВРЕМЯ

Нам предназначены годы
В месяцах, днях и часах ;
Вместе с трудом благородным
Время творит чудеса.

Это — ларец непочатый
С выбором дивных камней,
Что превратятся в караты
Перстней, кулонов, камей.

Но у того, кто считает
Труд опостылым бичом,
Время, как айсберг, растает,
Айсберг, попавший в Гольфштром.

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ В ИЗГНАНИИ

О тебе недостаточно спето
И в журналах, газетах
Напечатано длинных статей;
Но скажите, возможно ли это,
Чтобы нежность сердечного света
Поместить на бумажном листе?!

Не противясь судьбе вероломной
И забыв о дипломах,
Ты с решимостью в строгих очах
Шла на пыльную фабрику скромно,
Чтоб в кочующей жизни бездомной
Хоть какой-то устроить очаг.

Для тебя ведь важней всех исканий
И научных мечтаний –
Как полеты на Марс и Луну, –
Чтоб навеки, за годы скитаний,
В воспитании Васек и Танек
Наш прекрасный язык не уснул.

Ты – кухарка, швея и прислуга,
Также мать и супруга;
У тебя сто профессий и лиц.
Чтоб тебя наградить по заслугам,
Нет медалей, родная подруга,
Как твоим нет заслугам границ.

Д Р У Ж Б А

Борису Нарциссову

Так бывает с людьми иногда :
Сердце входит в чужую орбиту,
Ставши спутником в ней навсегда
(Средь людей тоже есть сателлиты).
Но, где дружба взойдет, неизвестно :
Так рождается в мире небесном
Из туманов и мрака звезда.

Не за тысячи мелких услуг,
Говорят же и просят : "Не в службу ..."
Бескорыстно и просто и ... вдруг
Появляется чистая дружба,
Словно море, полна и безбрежна,
И ты скажешь уверенно, нежно :
"Это мой, мой испытанный друг!"

Как прекрасно и сладко звучит
Это редкое, теплое слово.
Если дружба тверда, как гранит,
Если дружба на подвиг готова,
Там ни просьб, ни притворства не нужно ;
Там, где верная, чистая дружба,
Друг за друга всегда стоит.

Q U O V A D I S

Наш город – исчадие ада,
В миазмах, как кокон в шелку.
Мы дышим не воздухом – ядом,
Живем по звонку и гудку.

Моря лишаями покрыты,
Где нефть расплылась по воде;
Как дети, больные рахитом,
Деревья хиреют везде.

Наш хлеб – из отравленных злаков,
Химический пьем мы раствор,
А в реках – фабричных клоаках –
Нет рыбы и даже нет спор.

Без компаса наша планета
Несется чрез атомный век,
И будет убийцей отпетым
Убивший свой мир человек.

ПОСЛАННИКАМ ЗЕМЛИ

Вы возвратились из звездного мира,
В Космос посланники дружбы и мира,
Исколесивши отважно орбиты
Далей, что кровью еще не облиты,
Кровью обильною, кровью людскою ;
Вы возвратились из мира покоя.
Три астронавта, три смелых пилота,
После опасностей грозных полета
Гордо ступите на грешную Землю,
Где ожидает вас храброе племя,
Что, прилепившись в экстазе к экранам,
Вас созерцало — кто поздно, кто рано, —
Как кенгуровой походкой скользили
Вы по нетронутой девственной пыли,
Слали с поверхности лунного диска
Вдоль по веревке образчиков низки
В тесные ящики лунной кабины :
Камни — ценнее алмазов, рубинов.
И президенту чрез звездные дали,
Стоя у флага, вы честь отдавали.
Вы, пионеры! Раскрыли нам сферы.
Новых пределов и новые зры.
Вскоре от нашей планеты, как птицы,
Ввысь поплывут кораблей вереницы.

Я З Ы К И

Посвящаю болливой подружке

Языками в кошмаре я брежу,
Что растут предо мной, как грибы.
Почему же мерещатся реже
Мне носы, подбородки и лбы?!
Наш язык разместился удобно,
Защищенный от мира кругом.
Он бывает и добрый, и злобный;
Другом может он быть и врагом.
Он людей усмиряет иль дразнит,
Унижение несет иль почет,
Присуждает преступников к казни,
Но и к подвигам смело влечет;
Для одних представляет он силу,
А другим он копает могилу.
Он выводит легко из терпенья,
На людей нацепляет ярлык;
И для многих бы было спасеньем
Ампутировать длинный язык.

КЛАДБИЩЕ АВТОМОБИЛЕЙ

Пожеваны, побиты
В авариях дорожных,
Металл их поржавел ;
На призраки похожи
И сложены, как плиты,
Десятки мертвых тел.

Горбатые, кривые,
Поломаны педали,
В оскале тормоза.
С укором, как живые,
Глядят устало в даль их
Безумные глаза.

Их путь земной окончен,
А тем, которым были
Недавно за слугу, —
Те, если не в могиле,
Бегут, подобно гончим,
На жизненном кругу.

САМОСУД

Змеею, изгибая спину,
Ползла на запад фронта нить,
Чтоб, грозно подкатясь к Берлину,
Стальной петлей его сдавить.

В огне куют штыки, рапиры —
В боях куют лихих бойцов, —
Был в роте новым командиром
Андрей Сергеевич Стрельцов.
Когда вступил с пехотой вместе
В родимый Харьков он опять,
Он сразу поспешил к невесте
И навестить отца и мать.
Пред ним был город неопрятный,
Наполнен грубой солдатней;
И он под танками невнятно
Стонал, как тяжело больной.
В многоэтажных и разбитых
Домах обои всех цветов
Казались одеялом, сшитым
Из разноцветных лоскутов.
Висела с потолка без крана,
Как скрипка в тонких проводах,
Пробитая осколком ванна, —
Сочилась из трубы вода.
И подошел Андрей несмело
К знакомой двери, постучал;
Открыла мать, — как постарела! —
Ее состарила печаль;
Сползла слезинка непослушно:
"Андрюша, дорогой сынок!" —
"Я здесь с тобой, не плачь, не нужно," —
Он нежно мать к груди привлек.

Они вошли, — в квартире пусто,
Спросил он: "Мама, где отец?" —
"Забрали, — прошептала грустно. —
В тюрьму, — сказала наконец, —
Пошла я вскоре с передачей,
— Здесь нет такого," — был ответ."
Слова смешались с вдовьим плачем:
"В живых Сергея больше нет ..."
Андрей молчал ... За чашкой чая
"Как Аня?" — задал он вопрос.
Тут мать запнулась, отвечая:
"Любовник-немец ... с ней ... увез,
Когда ушла комендатура,
Где переводчицей была ..." —
Андрей с усилием: "Аня!? Дура!
Отчизну немцам продала!"

Потом бесцельно, как в тумане,
Андрей по улицам бродил
И думал об отце, об Ане:
Измену он бы ей простил,
Измену с другом, с незнакомым,
Но лишь не с немцем, не с врагом;
Какой-то силою влекомый,
Он шел ... Ее увидел дом, —
Там из окна, где тюля складки
Вздыхали от воздушных струй,
Она ему всегда украдкой
Воздушный слала поцелуй;
Конечно, немцу тоже слала —
Зажглась в нем ревность, как костер,
Ему противно, гадко стало —
Он плюнул и плевков растер.

* * *

Андрей, как барс, в сраженьи жарком
Бросался первым на врага,
С тех пор, когда был забран Харьков
Из-под чужого сапога.
Он рвал, метал, стрелял и резал ;
И накалялась в нем вражда, —
В нем нервы были из железа,
А ненависть, как сталь, тверда.
Гонясь однажды за врагами,
Вступил он с ротой в городок,
Что был осенними садами
Расшит, как золотом платок,
И был обвязан, как подарок,
Речушки синею тесьмой,
Но от бомбежек и пожаров
Еще казался сам не свой.
Майор с докладом, как курьера,
Андрея срочно в штаб послал.
И проходил он мимо сквера,
Где возвышался пьедестал.
На нем зубилом кто-то смело
"В. Ленин" надпись исказил ;
Вокруг него толпа шумела.
Андрей у женщины спросил :
"Что здесь?" — "Какую-то Людмилу
Поймали в погребе стрелки,
Она врагам переводила."
Андрей вдруг стиснул кулаки.
... Она была в жакете рваном,
Немецком, и бледна как мел ;
(Какое было сходство с Анной! —
А он ее забыть хотел).
Но злоба вспыхнула сильнее,
Когда сказал седой старик :

"Пусть судит Бог, а мы не смеем!" –
Андрей вдруг свой услышал крик :
"Не Бог судья, а мы осудим!"
Его объял какой-то зуд, –
"На самосуд!!!" – И хором люди
Вопили : "Да! На самосуд!!!" –
Ее спросил солдат курносый :
"Ты – переводчица?" – "Я?.. Да," –
Сказала девушка сквозь слезы,
Сквозь слезы страха и стыда.
Солдат с ухваткой молодецкой
Вплотную тоже подошел:
"А как 'прошу вас' по-немецки?" –
"Прошу вас – 'bitte' ." – "Хорошо,
Ты просишь? – Вот, что заслужила," –
Он ей в лицо нанес удар.
"А как 'спасибо' ?" – И Людмила
Сказала 'danke', – зарыдав.
Чередовались 'danke' с 'bitte' ;
"Благодаришь, проси еще!"
– Кричал он девушке избитой,
Заправским ставши палачом.
Вдруг из толпы у пьедестала :
"Ты суке волосы обрей!"
И сталь на солнце заблестала.
Внезапно понял все Андрей,
Он положить забаве дикой
Решил конец, но опоздал, –
Пронзился сквер ужасным криком :
Солдат ножом лицо кромсал.
Лишь миг молчанья, как в могиле,
Потом прорвало сквер насквозь ;
Андрей добрался лишь к Людмиле,
Когда волнение улеглось.

Там девушка в крови лежала,
Где клумба превратилась в грязь,
И 'danke' с 'bitte' повторяла,
Безумно плача и смеясь.
Угрюмо расходились люди
В молчаньи тягостном, немом, —
Еще недавно — злые судьи,
Теперь — запятнаны стыдом.
В больницу увезли Людмилу,
И в штаб Андрей понес доклад,
Лишь солнце нехотя светило
На сквер растоптанный дотла.
Андрей не находил покоя,
Угас в нем боевой накал :
Он первым был, кто роковое
"На самосуд" к толпе вскричал.

* * *

Весь глобус облетели вести :
Конец войны! Разбит Берлин!..
Шли годы. В Харькове, в предместье,
Стрельцовы жили, мать и сын.
А ту, что с немцем изменила,
Андрей забыл, но так свежо
Осталась в памяти Людмила
С лицом, изрезанным ножом.
Однажды мать сказала : "Скоро
Ты едешь в отпуск на Урал . . ." —
"Но я сперва заеду в город,
Где я когда-то воевал."

Андрей узнал реку и гору,
И сахарный завод с трубой,
Когда ему навстречу город
Из дымки выплыл голубой.

Такси он нанял на вокзале,
Но, сквер увидев на пути,
Где Ленин был на пьедестале,
Он, расплатившись, отпустил.
А в сквере сладко спал в коляске
Малыш близ бабушки седой;
Анютины пестрели глазки,
И крепко пахло резедой.
К старухе он подсел. "С вокзала?
— Она спросила.— В гости?" — "Нет,
В войну здесь часть моя стояла."—
"Война-то натворила бед:
Ведь немцы-то зверями были:
За мелочь брали на расстрел,
Да и свои своих губили."
Андрей невольно покраснел:
"А! Самосуды!" — "Были тоже,
Убили двух мужчин в лесу,
Бендеровцев, прости им Боже,"—
Старуха вытерла слезу. —
"А что еще?" — "Солдат нетрезвый, —
Вон видишь, где сейчас трава,
Там, — переводчицу изрезал..." —
"Она теперь еще жива?..
Ее в Сибирь сослали?.." Звонко
Малыш в коляске закричал;
Нагнулась бабушка к ребенку,
Андрей томился и молчал.
Младенец занялся бутылкой,
Старуха начала сама:
"Такие не годятся в ссылку:
Ведь девушка сошла с ума...
Была добра, была красива,
Людей спасала сколько раз,
Расплата с ней несправедлива, —
Она, несчастная, сейчас

Под церковкой просит подаянья." –
"Под церковкой..." В зелени густой
Над крышами соседних зданий
Виднелся купол золотой.

На паперти среди нищих сразу
Ее узнал Андрей Стрельцов, –
Безумья жалкую гримасу
И в шрамах бледное лицо;
В лохмотьях, грязная, худая,
В руках жестянка для монет.
То улыбаясь, то рыдая,
Она несла невнятный бред.
Из церкви вышли. О жестянки
Монеты цокали, как град,
И вдруг Андрей услышал 'danke',
Как много лет тому назад.
И всколыхнулась в нем волною
Давно гнетущая вина;
Он ждал под каменной стеною, –
Осталась нищая одна.
И, подойдя он к ней: "Людмила,
Прости мне," – вымолвить лишь смог,
Тогда она заговорила:
"Простила я... простит ли Бог?..."
Слова без чувств, как из шарманки...
"Спасибо," – простонав в ответ,
Все деньги он вложил в жестянку,
Оставив только на билет.
В глаза не смея глянуть встречным,
Согнувшись, брел он на вокзал,
Как будто крест он нес свой вечный,
И "Господи, прости!" – шептал.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступление	5
В апрельское утро	7
С девятого вала	9
На советском корабле	10
По утрам	11
Тоска	12
На скале	13
Мулатка	14
Соседская такса	15
В автобусе	16
Русское диво	17
Вагон на свалке	18
Ночью в поезде	19
Лес сгорел	20
Отречение	21
Лунное	22
Зачем ты не сказал	23
Мое окно	24
Старость	25
Несбыточные мечты	26
Грезы	27
Провожая тебя	28
Обновление	29
Я себе окровавила ноги	30
Цыганка-весна	31
Одуванчик	32
Взорвался лес	33

Ветка жасмина	33
Пробуждение	34
Весенний дождь	35
В ельнике	36
Небо и Земля	36
Виноград	37
Бабье лето	38
Осень сразила	39
Ненастье	40
Заревом заката	40
Волшебное утро	41
Первый мороз	42
Сумрак	42
Оттепель	43
На юг	44
Во Флориде	44
Снег под тропиками	45
Время	46
ПРОЗА В СТИХАХ	
Русской женщине в изгнании	49
Дружба	50
Quo vadis	51
Многоликий страх	52
Посланникам Земли	53
Языки	54
Кладбище автомобилей	55
Самосуд	56

